

ся въ одно и даютъ высшее освобожденіе и полное сознаніе себя и жизни,—именно эту непостижимо трудную для художника задачу Толстой выполнялъ съ совершенствомъ поразительнымъ. Проблески чисто христіанскаго экстаза находимъ въ «Аннѣ Карениной», въ «Войнѣ и мирѣ», а въ рассказахъ и повѣстяхъ, такъ сказать, апостольского періода; писатель становится исключительно творцомъ воспроизведеній именно такого рода. Его разсказы о трехъ старцахъ, объ ангелѣ опальномъ въ семье сапожника, о путешествіи двухъ старииковъ ко Святымъ мѣстамъ—залиты тепломъ и свѣтомъ Евангельского ученія. Мучительное и восторженное чувство, связанное съ подобными переживаніями, должно быть названо именно Евангельскимъ, по той простой причинѣ, что ни до, ни послѣ Евангелія не было во всемирной литературѣ такого выраженія экстатическихъ чувствъ, ставящихъ высоко надъ всѣмъ исключительно экстазъ души. Миръ зналъ любовь и до Христа, и проповѣдниковъ жалости и состраданія было не мало среди учителей Іудеи, Греціи, Аравіи. Проповѣдовалась именно жалость, рекомендовалось не забывать угнетенныхъ, удѣлять имъ часть того, что имѣешь. и подаяніе вмѣнялось въ заслугу. Но поставить въ центрѣ своей жизненной религіи—Бога-Любовь, провозгласить состраданіе и